

ПРОСОДИЯ СЛОВА В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ С ДИССИМИЛЯТИВНЫМ ВОКАЛИЗМОМ¹

Д. М. САВИНОВ

В статье показано, что развитие системы предударного вокализма в южнорусских говорах напрямую обусловлено изменениями, происходящими с ритмико-просодической структурой фонетического слова. Именно словесная ритмическая структура непосредственно участвует в формировании произносительной программы, которая, в свою очередь, определяет основные правила линейной организации звуковой последовательности. В этих диалектных системах отмечается устойчивая связь между сегментными и суперсегментным уровнями: артикуляционно-акустические характеристики предударных гласных неотделимы от просодического уровня высказывания, а динамика развития вокалических систем может быть раскрыта только в ракурсе просодии речи.

К числу отличительных признаков фонетического строя каждой языковой системы относится характеризующий его вид звуковой (ритмической) структуры слова. Этим термином обозначается «внешняя звуковая сторона оформления слова (“звуковая оболочка”) как целого качественного образования, обладающего технической выделяемостью независимо от наличия или отсутствия у него “внутренней (семантической) определенности”². Как известно, в русском литературном языке ритмическая структура слова описывается «Формулой А. А. Потебни»: 1-2-3-1-1³, где цифрой 3 обозначается ударный гласный, цифрой 2 — гласный 1-го предударного (п/у) или любого безударного (б/у) начального неприкрытого слога, цифрой 1 — остальные безударные гласные. Эти числовые выражения были получены А. А. Потебней на основании распределения силы между ударным гласным и безударными гласными, а также на основании градации их тембральных модификаций.

¹ Работа выполнена при поддержке госконтракта Министерства образования и науки РФ «Региональные системы русского языка в диахронии и синхронии (по данным письменных памятников и современных русских говоров)». О диахроническом аспекте исследования словесных ритмических структур в южнорусских говорах см.: *Савинов Д. М. О причинах эволюции систем предударного вокализма в южнорусских говорах // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 45–60.*

² *Высотский С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Под ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 17–18.*

³ Позднее «Формула А. А. Потебни» была уточнена М. В. Пановым, который писал: «Последний заударный слог, если он открытый, может иметь силу = 1 и = 2; существуют, следовательно, два варианта произношения» (*Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 82.*)

Как показали позднейшие исследования, основными характеристиками гласного звука, формирующими его специфику в рамках фонетического слова, являются *тембр, длительность, интенсивность⁴, тон⁵*. Л. В. Щерба и Л. В. Златоустова включают в этот список также признак *напряженности*, который считают важным коррелятом словесного ударения в русском литературном языке⁶.

Большинство исследований, описывающих фонетическую систему русской речи, основано на материалах литературного языка. Звуковой строй русских говоров инструментально-фонетическими методами до сих пор изучен недостаточно, прежде всего это касается просодической организации. Так, несмотря на то что в русской диалектологии накоплены сведения об общей ритмической структуре фонетического слова в различных говорах⁷, остается множество лакун, препятствующих всестороннему описанию просодии русского диалектного слова.

Именно ритмическая структура фонетического слова непосредственно участвует в формировании произносительной программы, которая, в свою очередь, определяет основные правила линейной организации звуковой последовательности. Диалектная специфика в области консонантизма, и особенно вокализма, зачастую обусловлена особенностями этой программы, присущей тому или иному диалектному объединению, и не может быть определена отдельно от нее, только на основе сегментных признаков отдельных звуков или их сочетаний.

В первую очередь, это положение касается интерпретации русского п/у вокализма. Анализ различных вокалических систем (прежде всего, аканья-яканья) затруднен или просто невозможен в отрыве от просодических характеристик слова и фразы, поскольку «сегментные характеристики предударных гласных неотделимы от суперсегментного (просодического) уровня высказывания»⁸, а динамика развития вокалических систем может быть раскрыта только в ракурсе просодии речи.

Так, юго-западная и юго-восточная зоны Южного наречия отличаются друг от друга типами п/у вокализма: диссимилиативное или сильное аканье. Однако различное «распределение по позициям в фонетическом слове [а] и [э] в говорах с сильным и диссимилиативным аканьем — это различие поверхностное, тогда

⁴ *Высотский С. С.* Указ. соч. С. 24–28; *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 64–66.

⁵ *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. 4-е изд. Казань, 1913. С. 67–69; *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 100.

⁶ *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. 6-е изд. М., 1957. С. 98; *Златоустова Л. В.* О природе словесного ударения в окаящих говорах с редукцией и без редукции сравнительно с литературным языком // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 3. М., 1962. С. 126.

⁷ *Высотский С. С.* Указ. соч. С. 17–41; Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи / Под ред. З. М. Альмухамедовой. Казань, 1985. С. 90–174; *Пауфощима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983. С. 63–77; Просодический строй русской речи / Под ред. Т. М. Николаевой. М., 1996. С. 222–235; Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005. С. 24–25.

⁸ *Касаткина Р. Ф.* Московское аканье в свете некоторых диалектных данных // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 44.

как глубинное, лежащее в его основе, — это отличие этих говоров по ритмической структуре слова»⁹. Для юго-западной зоны характерен «совмещенный» ритмический контур, для юго-восточной зоны — ритмический контур «сильный центр и слабая периферия». Первая модель предполагает усиление редукции в соседстве с ударным гласным и ее ослабление через один слог от ударного, т. е. имеет циклически повторяющуюся структуру: 2-1-**3**-1-2¹⁰. Контур «сильный центр и слабая периферия», представленный, в частности, в литературном языке, основан на более или менее контрастном противопоставлении акцентного ядра слова всем остальным б/у гласным: 1-2-**3**-1-1 (современный стандарт литературного произношения) или 1-3-**3**-1-1 («старомосковское» произношение).

«Совмещенный» ритмический контур, т. е. чередование долгих (или сильных) и кратких (или слабых) слогов, формируется определенной комбинацией значимых параметров, присущих вокальным компонентам слова. Как известно, диссимильативный принцип проявляется, во-первых, в расподоблении гласных акцентного ядра слова по тембру, во-вторых, в их особом распределении по силе и долготе. Обычно качественная редукция гласного в системах с диссимильативным вокализмом сопровождается также редукцией по длительности и интенсивности, хотя «существует множество случаев, где указанные закономерности не действуют»¹¹. Не случайно в диалектологической литературе существуют различные подходы к определению основного механизма, лежащего в основе подобной системы: одни исследователи считают, что наибольшей стабильностью при диссимильативном аканье обладают тембровые характеристики гласных¹², другие — что их количественные параметры¹³. На этом основании выстраиваются противоположные иерархии признаков, формирующих структуру фонетического слова.

Эта разница в интерпретации связана с неоднородностью привлекаемых материалов, их различной диалектной локализацией. Общий анализ словесных ритмических моделей в говорах с диссимильативным аканьем-яканьем свидетельствует о том, что структура «совмещенного» ритмического контура основана на сложной системе связей между вокальными компонентами фонетического слова, т. е. на комплексном соотношении характеристик ударного и б/у гласных. Помимо количественных и качественных параметров гласных, в организа-

⁹ Касаткин Л. Л. Из истории аканья — яканья в русском языке // Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Под ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткиной. М., 2012. С. 310.

¹⁰ Цифрой **3** обозначен ударный гласный. Приведенные формулы приблизительно соответствуют соотношению длительности ударного и разных б/у гласных в слове (см.: Русская диалектология... С. 25).

¹¹ Красовицкий А. М. Просодические характеристики слова в говорах с диссимильативным аканьем // Проблемы фонетики. 3 / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999. С. 188.

¹² Там же. С. 194; Сталькова И. Л. К вопросу о фонетической структуре слова в южнорусских говорах с диссимильативным аканьем // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных семей / Под ред. Э. А. Макаева. М., 1971. С. 47.

¹³ Градационная фонология... С. 109–110; Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. С. 413.

ции подобной системы важную роль играют также особенности мелодического оформления фонетического слова¹⁴.

Во многих говорах с диссимилятивным аканьем перед ударным [а] (в архаических системах также перед ударными [е] и [о]) произносится гласный среднего ряда среднего подъема [э]. В некоторых работах этот звук приравнивается по качественным и количественным характеристикам к соответствующему звуку 2-го п/у слога: «1-й предударный слог с ъ не полновеснее 2-го предударного слога»¹⁵. Однако результаты инструментально-фонетических исследований свидетельствуют о том, что в подобной системе перед ударным [а] произносится гласный скорее 1-й, чем 2-й ступени редуции, а его своеобразный тембр объясняется не вялостью артикуляции, а особым речевым укладом¹⁶, и нет никаких оснований считать звук типа [э], находящийся в позиции диссимиляции, редуцированным¹⁷. См. также замечание О. Брока: «...склонность придавать слогу предударному больший вес (экспираторно и долготно) может усиливать в известной степени и ъ в таком положении (т. е. в позиции 1-го п/у слога перед ударным [а]. — Д. С.)»¹⁸.

Конкретные реализации звукотипов [а] и не-[а] зачастую сближаются по своим квантитативным характеристикам, а в некоторых позициях происходит их полное количественное совпадение. Таким образом, произношение [э] или [а] в 1-м п/у слоге свидетельствует не об абсолютной, а об относительной краткости этого слога в общей ритмической структуре слова, тогда как долгий слог обычно маркируется гласным нижнего подъема [а].

Нестабильность соотносительных характеристик ударного и п/у гласных особенно ярко проявляется в некоторых фразовых позициях, когда стандартная структура фонетического слова деформируется рамками просодии более широкого фразового контекста. Прежде всего, это касается слов, входящих в рематическую группу, поскольку размещение фразового акцента связано с маркированием ремы, или фокуса высказывания. Интонационный центр, приходящийся на один из компонентов ремы, способствует удлинению и усилению гласного 1-го п/у слога, а также понижению значения его F₁. Например, в говоре Кирейкова Ульяновского р-на Калужской обл. диссимилятивное аканье сохраняется довольно последовательно, в подавляющем большинстве случаев перед ударным [а] произносится гласный [э]. Однако выделение слова фразовым ударением ведет к значительному усилению всех входящих в его состав сегментов и прежде всего — гласного 1-го п/у слога, который становится более интенсивным и напряженным.

Усиление п/у гласного в сильной фразовой позиции маркируется также особым мелодическим оформлением: ровным высоким тоном, который понижается на ударном гласном, тогда как при нейтральном произношении ударный [а]

¹⁴ Касаткина Р. Ф. Московское аканье... С. 41.

¹⁵ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 69.

¹⁶ По терминологии Л. В. Щербы, звук [э] в 1-м п/у слоге относится к категории центральных гласных, а звук [э] в других б/у слогах — к категории смешанных, что объясняется их различной степенью напряженности (см.: Щерба Л. В. Указ. соч. С. 97–101, 305–306).

¹⁷ Высокский С. С. Указ. соч. С. 37; Сталькова И. Л. Указ. соч. С. 41.

¹⁸ Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. С. 9.

в интонационном контуре занимает более высокое положение, чем гласный 1-го п/у слога [э]. Тональное выделение 1-го п/у слога — один из важнейших способов просодического маркирования слова в говорах с диссимилятивной организацией вокализма.

О связи усиления 1-го п/у гласного с повышением на нем тона пишет Р. Ф. Касаткина. По ее наблюдениям, слова под фразовым ударением обычно характеризуются сверхдолгим интенсивным гласным в 1-м п/у слоге, что нарушает привычную ритмическую схему реализации фонетического слова. Такое произношение обычно сопровождается также повышением тона на п/у гласном, в то время как на ударном гласном тон понижается¹⁹.

В некоторых южнорусских архаических говорах наличие тонального центра на 1-м п/у слоге может создавать перцептивный эффект переноса ударения на п/у гласный, прежде всего это касается слов с ударными гласными верхнего подъема. Неопределенность в локализации места ударения связана с комплексным усилением основных параметров 1-го п/у гласного, что видоизменяет акустическую организацию словесной ритмической структуры в целом.

Подобная особенность характерна, например, для говора с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. Значительное усиление 1-го п/у гласного, а также его выделенность достигаются прежде всего увеличением таких показателей, как тон и напряженность, в меньшей степени — длительность и интенсивность. Эффект ударности создается резким повышением тона на предударном гласном и его падением на ударном; значительная напряженность 1-го п/у гласного проявляется в четкости и насыщенности его формантной структуры (при ее невыразительности у гласного под основным ударением). Как правило, усиление п/у гласного отмечается в начале синтагмы в словах с ударными гласными верхнего подъема, чаще всего перед [й]. В словах структуры СГСГСГ(СГ) у гласного 2-го п/у слога неверхнего подъема также увеличивается длительность, интенсивность, значение F_1 , а в мелодическом контуре он обычно занимает более высокое положение, чем ударный гласный; напротив, завершение синтагмы произносится с меньшей напряженностью органов речи и меньшей четкостью артикуляции.

Следует отметить, что диссимилятивный принцип затрагивает не только акцентное ядро слова, но и 2-й п/у слог, подобное чередование «сильных» и «слабых» слогов, как правило, отмечается в нейтральной просодической позиции, главным образом, в срединном положении во фразе, оно представлено с различной степенью выраженности в некоторых говорах с диссимилятивным аканьем. По данным Т. Г. Фоминой, в с. Кондрашовке и с. Стаднице Семилукского р-на Воронежской обл. с семифонемной системой вокализма 2-й п/у гласный по длительности и интенсивности может превосходить 1-й п/у гласный, значительно сокращенный и ослабленный в позиции перед ударными гласными средне-нижнего и нижнего подъемов: к[а^b]з[ъ^a]ка́ (распределение длительности: 60 %—52 %—100 %), п[е^b]т[а^b]ка́ (распределение длительности: 40 %—35 %—100 %), х[ъ^a]х[ъ^a]то́к (распределение длительности: 59 %—55 %—100 %)²⁰.

¹⁹ Касаткина Р. Ф. Указ. соч. С. 39—41.

²⁰ Градационная фонология... С. 121.

Материалы, собранные в различных южнорусских говорах, свидетельствуют о том, что п/у гласные могут расподобляться по тембру, силе (интенсивности) и длительности. Однако необходимо отметить, что подобный компенсаторный механизм действует и перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов: в этом случае 2-й п/у гласный значительно уступает 1-му п/у по количественным и качественным показателям (редукционная модель, свойственная литературному языку). Чередование кратких (слабых) и долгих (сильных) слогов в 1-м и 2-м п/у слогах отмечено в калужских, воронежских, белгородских говорах; появление того или иного звукотипа в этой системе определяется общей фонетической программой слова и напрямую зависит от качества ударного гласного. Фиксация указанной диалектной черты в архаических южнорусских говорах различной локализации, очевидно, свидетельствует, во-первых, о ее более широком распространении в прошлом, во-вторых, о древности описываемого явления. Наиболее последовательно этот ритмический контур представлен в трехсложных словах, т. е. в словах структуры СГСГСГ(С), и выявляется только при определенных просодических условиях: «в контексте без яркой эмоциональной окраски, в речи повествовательного стиля»²¹.

Иногда диссимилятивная зависимость наблюдается в 3-м п/у слоге; например, в русском говоре с. Татарйцы в Болгарии Л. Л. Касаткин отметил формы: *дә саләвја́, пәкавәр'ат', на ләшад'ей, пәп'ир'ал'ез'л'и*²². Качество заударных (з/у) гласных также может зависеть от качества ударного гласного. Так, в архаических говорах Семилукского р-на Воронежской обл. «сокращение длительности заударных гласных как бы обратно пропорционально длительности ударенных гласных: при большей собственной длительности ударного гласного заударный гласный в одной и той же фонетической позиции имеет меньшую абсолютную и относительную длительности и наоборот»²³, на проявление диссимилятивного принципа в з/у положении указывают и другие диалектологи²⁴.

Очевидно, что в подобной диссимилятивной системе фонетическая программа слова предопределяет бóльшую функциональную значимость б/у гласных, чем в системах с резким противопоставлением акцентного ядра остальным гласным слова. Бóльшая вовлеченность б/у гласных (прежде всего гласных предцентровой части) в позиционные чередования, а также сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукции гласных до нуля²⁵, особенно редко диереза гласных встречается в п/у слогах.

²¹ Высокский С. С. Указ. соч. С. 31.

²² Касаткин Л. Л. Русский говор села Татарйца в Болгарии // Русские старообрядцы: Язык, культура, история / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2008. С. 120.

²³ Градационная фонология... С. 127.

²⁴ Русская диалектология... С. 53.

²⁵ Как верно заметил Л. Л. Касаткин, обозначение «рассматриваемого явления как “редукции гласных до нуля” характеризует лишь часть примеров. В значительном числе случаев отсутствие гласного компенсируется другими фонетическими характеристиками слова... Диереза гласного часто не отражается на общей длительности слова и количестве слогов» (Касаткин Л. Л. Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы южного наречия // Материалы и исследования по русской диалектологии. 1 (7) / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2002. С. 43).

Например, в говорах Верхнедонского р-на Ростовской обл., характеризующихся жиздринским диссимилятивным аканьем и щигровским диссимилятивным яканьем, полная редукция 2-го п/у гласного наблюдается исключительно при наличии 3-го п/у слога, как правило в приставке *пере-*: *n'ip'жылá*, *n'ip'пукáл'и*, *n'ip'в'арнóл'и*, *n'ep'n'ислá*, *n'ip'крут'íл'и*, *n'ip'нырн'óт'*. Очевидно, что подобное произношение регламентируется не столько фонетической, сколько морфологической позицией, т. е. связано с особенностями фонетического оформления префикса *пере-* в определенной ритмической структуре: *пере*+СГСГ(СГ).

Значительно чаще диереза гласных отмечается в заударной части слова: *расплб̄х(о)*, *на стáнцӣй(и)*, *с мужж́ám'(и)*, *жэ́ншиэ́н(у)*, *н'идáвн(о)*, *бóл'ш̄и(е)*, *на ф'íрм'(е)*, *пóмй'(у)*, *а́дхнóл(а)*, *скат'íн(ы)*, *пáјел(а)*, *пáп'íэр'л'(и)*, *куш'óфкóбьт'* (Кушёвку эту), *апрáв'ил'(и)*, *зауар'е́ел(а)с'á рэ́зүэвáр'ут'* (=разговаривают), *пад'е́лл'е'* (=поделали) и др. Подобная схема редукции отмечается и в других населенных пунктах Волгоградской и Ростовской областей, это «существенное отличие донских говоров от других говоров, знающих диерезу гласных»²⁶.

В калужских говорах с архаическим диссимилятивным аканьем и архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем диереза гласных фиксируется еще реже, чем в донских; самым слабым здесь оказывается 1-й з/у гласный в структуре (СГ)СГСГСГ(С): *дóс(о)ч'к'и*, *рáбóт(а)ла*, *ад'íн(а)цат'*, *пáш'óбрн(о)му* (почёрному), *n'ip'ив'е́зрт(ы)вэт'*.

Очевидно, что редукционные модели, характерные для калужского и донского говоров с диссимилятивным аканьем, имеют принципиальные отличия, которые связаны с особенностями ритмической организации слова в этих диалектных системах. Диереза гласных в донских говорах отмечается в любом заударном слоге (наиболее часто — в открытом ауслaute) и связана с функциональной неравноценностью предцентровой и постцентровой частей слова. Как писал Л. Л. Касаткин, многие «донские говоры характеризуются резким различием между первой частью слова, кончающейся ударным гласным, и заударной частью слова»²⁷. Более высокий уровень коммуникативной нагрузки на начало слова обуславливает выделение в ритмическом контуре его предцентровой части: все п/у гласные маркируются большей напряженностью и длительностью, они менее подвержены централизации и вполне соотносимы между собой по некоторым качественным и количественным параметрам.

Усиление начальной части слова провоцирует понижение подъема гласных 1-го и 2-го п/у слогов, появление в этих позициях *a*-образных звуков независимо от гласного под ударением, что особенно часто отмечается в сильной фразовой позиции. В результате развития указанной тенденции звукотип [a] с усилением F₁ в области 740–850 Гц становится основной реализацией фонем /о/ и /а/ в 1-м п/у слоге, в том числе и перед ударным [a]; во 2-м п/у слоге довольно часто произносятся гласные [á] и [a] с F₁ 690–830 Гц. Эти п/у гласные сближаются по интенсивности и значению F₁, но продолжают противопоставляться по долготе: в среднем длительность 2-го п/у гласного составляет 70% длительности 1-го п/у, т. е. двухступенчатая модель количественной редукции в целом сохра-

²⁶ Касаткин Л. Л. Диереза и оглушение... С. 42.

²⁷ Там же. С. 60.

няется. Прежняя структура акцентного ядра слова, основанная на диссимилятивном принципе, также сохраняется, однако теперь она основана исключительно на противопоставлении долготных характеристик: длительность гласных 1-го п/у слога [ə], [a], [a] в позиции перед [á] в среднем составляет 58% длительности ударного гласного.

Система вокализма, подобная только что описанной, основана как на диссимилятивных, так и на ассимилятивных отношениях между гласными предцентровой части: отмечается их расподобление по длительности и одновременное уподобление по качеству и интенсивности. Конкуренция старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу, свидетельствует о нестабильности словесной ритмической структуры. Долгие и краткие слоги в этой системе противопоставляются не всем комплексом черт, присущих вокальным компонентам слова, а лишь единичным признаком, тогда как соотношение других признаков указывает на существенные изменения, связанные с синтагматикой гласных в местном говоре.

Очевидно, что усиление предцентровой части происходит за счет ослабления заударных слогов, которые реализуются в речи информантов с высокой степенью произносительной инерции. Общее снижение информативности гласных постцентровой части, способствующее значительному ослаблению их артикуляции, отмечается во многих других южнорусских и в восточных акающих среднерусских говорах, а также в русской разговорной речи²⁸. Наиболее часто редукция до вокалического нуля фиксируется в начале или середине синтагмы, при этом для конца синтагмы (или каденции) характерно удлинение заударных слогов — открытых и закрытых²⁹. Конец фразы или речевого периода для многих говоров может быть признан сильной просодической позицией, которая способствует выделению и усилению гласных постцентровой части и препятствует их сильной редукции³⁰.

В донских говорах диереза гласных отмечается не только при нейтральном, слабом произнесении слова, но и в просодически сильной позиции, в конце речевого такта (ср.: *Энта* [сестра] *училась хорошо, а я* — [расплѣх]). В этом случае полная редукция заударного гласного приводит к значительному увеличению длительности предшествующего согласного, за счет чего создается его слоговость³¹.

Усиление или ослабление различных зон слова, маркируемых разным уровнем внимания со стороны говорящих, «особенно актуализируется при нарушении синтагматических стереотипов»³². Очевидно, что в исследуемой диалектной системе формируется не только новая произносительная программа слова, но и

²⁸ *Теплова В. Н.* О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1981. С. 54–55; *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. С. 201.

²⁹ *Теплова В. Н.* Указ. соч. С. 54–55.

³⁰ *Аванесов Р. И.* Указ. соч. С. 113.

³¹ *Касаткин Л. Л.* Диереза и оглушение... С. 45.

³² *Калынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001. С. 56.

его особая ритмическая модель. Параллельно с появлением в донских говорах перед ударным [а] звуков [ǎ] и [a] вместо более раннего [ǝ] на путях перехода от диссимильного аканья к сильному происходила модификация и традиционной ритмической структуры слова. Такое направление изменений не случайно; даже в говорах с последовательно проведенной системой диссимильного аканья гласные в з/у слогах подвержены значительно большей качественной редукции, чем в п/у: по подсчетам Т. Г. Фоминой, приблизительно в половине случаев в этой позиции появляется ненапряженный одноформантный гласный «с макс. F₁ 640, 500, 400 Гц»³³.

На основе смешанного ритмического контура формируется новый контур, который можно определить как «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» и который является переходной моделью к контуру «сильный центр и слабая периферия». В результате этого изменения происходит совпадение позиционных вариантов смешанного тонального контура в унифицированной модели:

$$\underbrace{a-\acute{a}-\acute{I}-\acute{a} \ (\acute{I}=\acute{a}) \sim \acute{a}-a-\acute{I}-a \ (\acute{I}=\acute{y}, \acute{y}, \acute{e}, \acute{o})}_{\acute{a}-\acute{a}-\acute{I}-\emptyset \ (\acute{I}=\text{любой ударный гласный})}$$

Данные современных донских говоров указывают на то, что подобная ритмика слова способствует распространению на территории Ростовской и Волгоградской обл. сильного аканья; для Донской диалектной группы характерно совмещение в пределах различных ареалов диссимильного аканья жиздринской и прохоровской разновидностей с недиссимильным аканьем³⁴.

Практически полное отсутствие редукции б/у гласных до вокалического нуля в калужских говорах связано с более слабой, чем в литературном языке и во многих других южнорусских диалектных системах, противопоставленностью ударного слога б/у. Ранее на подобную особенность обратил внимание О. Брок, который писал, что в мосальских говорах «ударяемый и неударяемые слоги в экспираторной силе стоят друг к другу как будто ближе; произношение происходит как будто больше “по слогам”»³⁵; подобная черта характерна для западных русских, а также для северных украинских акающих говоров³⁶.

Сильная редукция гласных, которая спорадически отмечается в заударном неконечном слоге, обусловлена не слабостью постцентровой части, как в Донской диалектной группе, а особым выделением гласного в ауслауте, что, по правилам диссимильной организации вокализма, значительно ослабляет предшествующий ему слог. Так, в говоре Кирейкова конец слова в некоторых просодических позициях отличается значительным усилением последнего вокального сегмента. По длительности и интенсивности выделенный б/у гласный в ауслауте

³³ Градационная фонология... С. 129.

³⁴ Русская диалектология... С. 267.

³⁵ Брок О. Указ. соч. С. 7.

³⁶ Теплова В. Н. О вокализме заударного конечного открытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. С. 50.

обычно не отличается от ударного гласного, а иногда даже превосходит его по этим параметрам. Усиление конечного гласного не зависит от открытости / закрытости слога и отмечается как в абсолютном конце высказывания, так и у некоторых словоформ, находящихся внутри фразы.

В первом случае оно служит для выражения коммуникативного типа высказывания и обычно сопровождается отсутствием падения основного тона на последнем гласном. Усиление последнего слога предложения, а также повышение его тональных характеристик маркируют завершенность и цельнооформленность повествовательной конструкции. Второй случай усиления конечного гласного также можно интерпретировать как факт поверхностной структуры фразы, не имеющий отношения к семантической организации предложения. Повышенные интенсивность и длительность гласного выполняют здесь делимитативную функцию, отделяя друг от друга отдельные слова или речевые периоды (с точки зрения носителя литературного языка подобная особенность создает перцептивный эффект парцелляции).

Как известно, в южнорусских говорах интенсивность гласных обычно «ослабляется по направлению от начала к концу слова, а напряженность, четкость артикуляции характерна только для ударных гласных»³⁷. Однако в описываемом калужском говоре эта динамическая модель деформируется под влиянием просодических факторов. Последний гласный слова характеризуется высокими значениями интенсивности, иногда превосходя по этому показателю все гласные слова (или даже речевого периода); удлинение и усиление гласного приводят к его дифтонгизации; после мягких согласных возможно дальнейшее разложение дифтонга, появление на месте его первой фазы двух звуков: слогового и неслогового: *у стáд'ийа, нэ зэкáт'ицэ*.

Очевидно, что количественные и качественные характеристики гласного в ауслaute напрямую обусловлены фразовым контекстом, т. е. регламентируются правилами, актуальность которых проявляется на суперсегментном уровне. Во-первых, эта особенность связана с наличием в калужском говоре особой интонационной модели, повествовательной конструкции, выражающей завершенность (ТК-1.1, по классификации Л. Л. Касаткина³⁸). Однако ее мелодический рисунок представляет не нисходящую кривую, как в литературном языке, а средний уровень движения тона при отсутствии его падения (или даже при небольшом подъеме) на последнем слоге.

Подобная ТК встречается в некоторых других южнорусских говорах, например в д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. Однако здесь акцентирование конечного заударного слога достигается за счет усиления тонального и / или динамического (интенсивность) параметров; при этом самым выделенным в структуре СГСГСГСГ оказывается 1-й п/у слог — даже при наличии повышения тона на конечном з/у гласном последнего слова³⁹. Эта редуцированная схема слова связана с наличием в местном говоре словесного контура «сильный центр

³⁷ Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. С. 115.

³⁸ Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 84.

³⁹ Касаткина Р. Ф. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. 1 (7). С. 135–142.

и слабая периферия», который препятствует развитию вариативности гласного 1-го п/у слога.

Напротив, в говоре Кирейкова конечный з/у гласный может не выделяться значительным повышением тона, хотя нередко и занимает в мелодическом контуре более высокое положение, чем ударный гласный. Его усиление достигается за счет увеличения длительности, интенсивности, напряженности, а также повышения значения F_1 . Эта особенность, видимо, объясняется большей подвижностью, «гибкостью», присущей «совмещенному» тональному контуру. В определенных просодических условиях ритмическая структура может свободно модифицироваться, меняя точку отсчета и иначе маркируя слоги в рамках фонетического слова, в том числе и 1-й п/у.

Во-вторых, усиление ауслаута в позиции начала или середины синтагмы подчеркивает интонационную самостоятельность фонетических слов, включенных в общий мелодический контур фразы. Для исследуемого говора характерна меньшая, чем для русского литературного языка, степень интегрированности мелодического контура во фразе, что обусловлено тенденцией к пословному мелодическому оформлению речевых периодов⁴⁰.

Существенное увеличение количественных показателей последнего гласного в фонетическом слове приводит не только к изменению его формантных характеристик, к появлению в ауслауте широкого звука [a], но обуславливает также модификацию словесной ритмической модели. Новый тональный контур, как и исходный прототип, сохраняет волнообразный характер, т. е. чередование долгих и кратких слогов, однако его структурные особенности определяются не качеством ударного гласного, а положением того или иного слога по отношению к ауслауту. Долгий и сильный конечный слог становится центром тонального контура, определяющим систему соотношения вокальных компонентов в рамках фонетического слова. Слог, предшествующий сильному ауслауту, значительно редуцируется, этому не препятствует даже его маркирование словесным ударением. Редукция до вокалического нуля обычно характеризует 1-й з/у неконечный слог, предшествующий ауслауту. Диереза возможна только в сильной фразовой позиции, при значительном усилении последнего слога, тогда как при нейтральном произнесении прежняя ритмическая структура слова сохраняется.

Таким образом, в говоре Кирейкова наблюдается позиционное распределение «совмещенного» ритмического контура и «сильноконечного»: в зависимости от положения во фразе и наличия просодического выделения, маркирующего особую ТК. Значительное усиление абсолютного конца фразы, а также более слабое, чем в литературном языке, воздействие фразовой интонации на словесную свидетельствуют о глубокой архаике исследуемой диалектной системы⁴¹. Эта особенность связывает местные говоры с говорами северного наречия, а также с диалектными системами других восточнославянских языков, что важно для изучения генезиса соответствующих диалектных объединений.

В описанных донском и калужском говорах происходит деформация традиционного ритмического контура слова. Эти изменения имеют разную значи-

⁴⁰ Пауфошима Р. Ф. Указ. соч. С. 64.

⁴¹ Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977. С. 261–261.

мость для фонетической системы в целом: они либо способствуют сохранению относительной стабильности старой структуры вокализма, либо активизируют модификацию правил сочетаемости гласных в рамках фонетического слова.

С одной стороны, появление в определенных просодических позициях «сильноконечного» контура под влиянием особенностей интонационного оформления фразы лишь повышает вариантность ритмической структуры и соответственно вокальных компонентов слова, но не приводит к системным изменениям. Наличие сильного ауслата нарушает традиционную схему распределения длительности слогов в многосложных словах, однако не активизирует глобальную смену тонального контура. Происходит лишь перемещение центра ритмической группы, при этом традиционная волнообразная структура контура устойчиво сохраняется. В сильной фразовой позиции организующим центром ритмической группы становится последний слог последнего слова синтагмы или фразы.

С другой стороны, развитие контура «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» способствует уменьшению вариативности п/у гласных по ряду параметров, прежде всего гласного 1-го п/у слога. Продуктивные тенденции к уменьшению значимости вокальных компонентов в структуре фонетического слова, а также наличие двухступенчатой количественной редукции ведут к более контрастному выделению акцентного ядра за счет еще большего ослабления всех б/у гласных, включая гласные предцентровой части, кроме 1-го п/у. Подобный сценарий развития системы способствует формированию контура «сильный центр и слабая периферия», а также более широкому проникновению в систему вокализма элементов сильного аканья.

Необходимо отметить, что постепенное устранение оппозиции кратких и долгих слогов в пределах акцентного ядра свойственно многим говорам с диссимильной организацией вокализма, например некоторым липецким и белгородским. Прежняя динамическая модель слова может сохраняться благодаря комплексному соотношению основных характеристик, присущих ударному и п/у гласным; эти характеристики слабо контрастируют по отдельности, но в совокупности и во взаимодействии составляют ритмическую структуру слова, свойственную диссимильной системе вокализма. Например, в говоре с. Солдатского Старооскольского р-на Белгородской обл. с архаическими типами диссимильного аканья и яканья после твердых и мягких согласных отмечено довольно много примеров произношения гласного [a] перед [á]: *салда́қты, пр'ипэд'н'еалáс, нарқан'и* 'завтра утром', *вырқан'еэл'и, асталáс'э, р'абáйя, уз'алá* и т. д.⁴² Однако соотношение длительности, интенсивности, значения F₁, а также тональных характеристик свидетельствует о наличии в говоре смешанного ритмического контура: перед гласным нижнего подъема произносится более короткий и закрытый, менее интенсивный звук [a]. Он отличается от ударного гласного [a] также «неинтонированностью»: во время его звучания практически отсутствует движение тона, который заметно повышается на ударном гласном.

⁴² Корпечкова Е. В. Развитие обоянского типа яканья в говорах севера Белгородской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. М., 2012. С. 93–96.

Постепенное «размывание» традиционной динамической структуры слова приводит к изменениям синтагматических отношений между его вокальными компонентами; появление гласного [э] в 1-м п/у слоге начинает определяться не ритмикой слова, а просодией фразы. Например, в говоре села Татарница при довольно последовательном диссимильном аканье и яканье жиздринского типа «наблюдаются примеры произношения предупредительных гласных, противоречащие диссимильному принципу»: *барáнк'и, даждáлс'э, самá, пажáл'илэс'э, паклáду, хлпчáты, дуракá вал'áт', пáклáдут', сáбáк*. Произношение звуков [а] и [а̣] перед ударным [а] «встречаются обычно в сильных фразовых позициях (под синтагменным или фразовым ударением, акцентным выделением слова), при эмфазе и медленном, четком проговаривании слова», тогда как звук [э] отмечается перед [á] при отсутствии просодической выделенности слова. Такое распределение [э] и [а] в 1-м п/у слоге после твердых согласных свидетельствует о том, что эти гласные являются просодическими вариантами одной и той же значимой единицы, «доминанта которой (основной представитель) осознается говорящими как [а]»⁴³.

Действительно, подобная переориентация обусловленности чередования б/у гласных со словесного на фразовый уровень ведет к значительному снижению их функциональной нагрузки, к изменению частотности и значимости звукотипов [а] и не-[а]. На предыдущих этапах развития вокалической системы произношение [э] или [а] в 1-м п/у слоге было дополнительным средством для различения слов и форм слова: *п[э]д[á]ть*, но *п[а]д[ý]ть*, *тр[э]в[á]*, но *тр[а]в[ы]*, *б[э]льн[ý]й старик*, но *б[а]льн[ó]й старухи* (о реальном участии п/у гласных в различении подобных форм свидетельствуют результаты перцептивного эксперимента по восприятию звуков речи носителями говора с архаической системой п/у вокализма)⁴⁴. В новой системе гласный в 1-м п/у слоге маркирует лишь разные позиции в просодической схеме слов определенной структуры; причем в сильной фразовой позиции всегда произносится звук [а].

В дальнейшем происходит становление и развитие ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», что обуславливает смену типа п/у вокализма, а также способствует унификации основных качественных и количественных характеристик гласных 1-го п/у слога, которые постепенно перестают зависеть как от качества последующего ударного гласного, так и от положения слова в интонационном контуре. В южнорусских говорах эта тенденция проведена с различной степенью последовательности, следы диссимильного вокализма, обнаруживающиеся в диалектных системах с сильным аканьем, свидетельствуют о былом распространении смешанного ритмического контура не только на юго-западных, но и на юго-восточных территориях. При определенных фразовых условиях перед [á] может произноситься более короткий и закрытый звук [а̣], подобная особенность отмечена в говорах Рязанской, Тамбовской, Тульской областей⁴⁵.

⁴³ Касаткин Л. Л. Русский говор села Татарница... С. 118–119.

⁴⁴ Градационная фонология... С. 106.

⁴⁵ Просодический строй... С. 236–244.

Наибольшего развития тенденция к выделению акцентного ядра слова достигла в юго-восточной зоне южного наречия, в результате чего здесь произошло системное изменение динамической модели. Прежде структура фонетического слова в диссимильтивно акающих говорах оформлялась особым способом, совмещающим волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия». Постепенно последний контур становится в ряде диалектных систем доминирующей моделью и распространяется на все позиции, вне зависимости от конкретных акустических характеристик ударного гласного. Благодаря новой ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова, и «просодически активная» центральная часть теперь становится резко противопоставленной всем другим б/у слогами.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, южнорусские говоры, аканье, яканье, просодическая организация диалектной речи.

WORD-LEVEL PROSODY IN SOUTH RUSSIAN DIALECTS WITH DISSIMILATIVE VOCALISM

D. SAVINOV

The paper shows that the development of pretonic vocalism in South Russian dialects is directly conditioned by changes occurring in the rhythmic and prosodic structure of the phonetic word. It is the rhythmic structure of the word that is immediately involved in the formation of the articulatory programme, which in turn determines the main regularities of the linear sound sequence. In these dialects a consistent link between segmental and suprasegmental levels has been observed. Articulatory and acoustic features of pretonic vowels cannot be separated from the prosody of the utterance, while tendencies in the development of vowel systems can only be revealed from the perspective of speech prosody.

Keywords: Russian phonetics, dialectology, South Russian dialects, akanye, yakanye, prosodic organisation of dialect speech.